

УДК 165.43

Received 19 May 2017

Received in revised form 23 June 2017

Accepted 27 July 2017

Павленко І.В.,

Дніпровський національний університет

імені Олеса Гончара,

e-mail: abissum0@gmail.com

О СМЫСЛЕ «ЗНАЧЕНИЯ»

Резюме. *Анализируется представление о значении как семантической структуре в связи с современными исследованиями в области философии языка. Предлагается критический подход к понятию значения, которое рассматривается не в качестве объекта означивания, не в качестве знака или его составной части, не как результат технических процедур (верификации или фальсификации). Критерием значения является дескриптивная достаточность, провоцирующая определенный либерализм описаний. Таким образом существует возможность построения новой умеренно релятивистской теории значения, в которой значение – это регистрация факта замещения знаком того, что этим знаком не является. Как и всякий факт, значение имеет дление, является процессом, ситуацией, событием.*

Ключевые слова: язык, значение, смысл, контекст, семантика, референция.

Павленко І.В., Дніпровський національний університет імені Олеса Гончара, e-mail: abissum0@gmail.com.

Про сенс «значення»

Резюме. *Аналізується уявлення про значення як семантичну структуру у зв'язку із сучасними дослідженнями у царині філософії мови. Пропонується критичний підхід до поняття значення, яке розглядається не в якості об'єкту деякої операції, не в якості знака або його складової частини, не як результат технічних процедур (верифікації або фальсифікації). Критерієм значення виступає дескриптивна достатність, яка провокує певний лібералізм дескрипцій. Таким чином існує можливість створення нової помірно релятивістської теорії значення, в якій значення – це реєстрація факту заміщення знаком того, що цим знаком не є. Як і будь-який факт, значення виступає як процес, ситуація, подія.*

Ключові слова: мова, значення, сенс, контекст, семантика, референція.

Pavlenko I.V., Oles Honchar Dnipro National University, e-mail: abissum0@gmail.com.

About the meaning of «Meaning»

Resume. *The concept of «meaning» as a semantic structure in connection with modern research in the field of language philosophy is analyzed. A critical approach is proposed to the notion of meaning, which is not considered as an object of signification, not as a sign or its component, not as a result of technical procedures (verification or falsification). The criterion of value is descriptive sufficiency, which provokes a certain liberalism of descriptions. Thus, there is the possibility of constructing a new moderately relativistic theory of meaning, in which meaning is the registration of the fact of substitution with the sign of that which is not that sign. Like any fact, the meaning has a meaning, is a process, a situation, an event.*

The relevance of this issue is related to the rapid development of semantic research, the revival of interest in semiotics, the need to create a consistent theory of sign and meaning, with pragmatic capabilities and heuristic potential.

In signs, words and texts in themselves there is only what can be called a hierarchy (or conglomerate) of meanings. Here it is possible to refer and sense in its usual understanding. What some people want to catch in a sign, word, language other than meaning, some secret wisdom of the language, its truth, arises somewhere between the signs, away from the sign and its meaning, beyond signs and

words.

In light of the search for grounds for the theory of meaning, it can be said, that the sign is the decoration of a value, there is no meaning in the sign itself, because there are signs with an undefined or missing value. Nor is it in objects, at least until they enter the circle of language. At the same time, meaning is always somehow formed the relation of a sign to some reality, a possible world, a context outside of which the sign is a dummy, a kind of reality, only an object for description with the help of other signs. Since there is no one between the sign and the object, except the native speaker, then the basis of the theory of meaning must include something related to the mentality of the native speaker.

Keywords: *language, meaning, sens, context, semantics, references.*

В настоящей статье ставится задача рассмотреть семантику слова «значение» с точки зрения умеренно релятивистского подхода в связи с современными теориями референции.

В XX столетии данная проблема активно обсуждалась в рамках аналитической философии, представители которой рассмотрели практически все основные подходы к ее разрешению. [см. 1; 3; 5; 6; 9; 11; 12; 13]. Из современных работ, посвященных проблеме значения можно выделить исследования Дж. Лайонза [3], М.В. Лебедева [4], И.М. Кобозевой [2].

Актуальность рассмотрения данного вопроса связана с бурным развитием семантических исследований, возрождением интереса к семиотике, необходимостью создания непротиворечивой теории знака и значения, обладающей прагматическими возможностями и эвристическим потенциалом.

В знаках, словах и текстах самих по себе присутствует лишь то, что можно назвать иерархией (или конгломератом) значений. Сюда же можно отнести и смысл в его обычном понимании. То, что хотят уловить в знаке, слове, языке помимо значения, некую тайную мудрость языка, его истину, возникает где-то между знаками, в стороне от знака и его значения, по ту сторону знаков и слов.

Смысл возникает не столько в проговаривании, сколько в молчании слова. Смысл есть молчание о чем-то сокрытом в словах. Только то, о чем мы умалчиваем и наделено смыслом и это не лингвистическая и, возможно, даже – не семантическая категория. Может быть только поэзия, да и то, в самых лучших своих проявлениях, способна являть нам это

молчание, это не-говорение вслух. Трудно отделаться от мысли, что смысл лирического стихотворения находится гораздо дальше любых авторских или читательских ассоциаций, а может быть, дальше любых возможных ассоциаций. По сей день не ясно, в чем секрет воздействия стиха на человека, который откликается на зов, исходящий от хорошей поэзии. Но что есть этот зов и почему языковой субъект откликается также и на плохую поэзию? Возможно ли, что все это – только метафоры, обволакивающие пустоту? Можно много рассуждать о том, что слово есть вещь, что оно, как и любая вещь обладает плотностью, непроницаемостью, молчанием. Можно также говорить, что любая вещь, в свою очередь, слово, знак, – и задача человека – научиться распознавать эти знаки и выразить в словах-вещах то, что ранее было вещью-словом. Однако, такой подход в целом не может быть принят, если мы действительно хотим понять, что есть вещь и что есть знак, а главное, что он не есть.

Все попытки разграничивать значение и смысл, начиная с Фреге и Рассела, и заканчивая современными лингвистами, – совершенно неубедительны. Выделение смысла или сам концепт смысла подчеркивает, во-первых, несостоятельность идеи конвенции и, во-вторых, показывает бóльшую сложность идеи языкового значения, чем об этом принято думать. Если слова «мир», «дом», «храм» (см. примеры Кобозевой И.М. [2, с. 10]) в рамках религиозного мирозерцания (языковой игры) приобретают некий особый смысл, то это и значит, что они в данном контексте изменяют свое языковое значение.

Возможно речь идет о т.н. коннотативном значении или о прагматических потенциях знака (см. Лебедев М.В. [4, с. 41]). Классический пример с Вальтером Скоттом, который утверждал, что он не является автором «Уэверли», но не то, что он не является Вальтером Скоттом, т.е. самим собой, также не достигает цели, поскольку, если Вальтер Скотт заявил, что он не писал роман, который он в действительности написал, то он тем самым отказался от некоторого значения понятия «Вальтер Скотт» т.е. как раз и заявил, что он – это не он. Если бы Вальтер Скотт отказался от всего, что он сделал в жизни, от всех ситуаций и положений, в которых он присутствовал, то это и значило бы в полном объеме, что он отказывается признавать себя Вальтером Скоттом. Апостол Петр, например, отказывается лишь от одного события своей жизни и ему приходится отказываться от самого себя.

Иначе говоря, принцип подставимости тождественного не является правилом для всех возможных языков и прежде всего непригоден для естественного языка.

Можно сказать, что именование, называние – *Benennen*, является многоаспектным отношением или особым элементом всех наших языковых игр и может рассматриваться поэтому различно, в зависимости от задач и целей конкретного исследования. Помимо логики и лингвистики, именование, в том числе, и проблема психологии, поскольку оно является психическим актом, спорить с этим было бы, по меньшей мере, странно. Более того, для полноты картины, следовало бы рассматривать именование еще и в определенном культурно-историческом контексте определенном бы рассматривать именование еще и в некоем культурно-историческом и оцедурой - номинацией е, которые изучает т.н. , , что уже давно и делается. Если я собираюсь рассмотреть процедуру именованя в ее более строгом, универсальном виде, то это не повод отбрасывать все остальное. Я просто должен следовать той языковой игре, которую для этого избрал.

Данный подход вводит само значение, как

нечто отличное от трех традиционных составляющих процесса семиозиса: знакового средства, десигната и интерпретатора. [см. 2, с. 31]

Трудно не заметить, что референциальная теория значения (т.е. наиболее ранняя и наиболее распространенная) непосредственно связана с корреспондентной теорией истины, с субъект-объектной оппозицией в нашем познании и отношении к миру, наконец, с субъектно-предикатной формой предложений логики и связкой подлежащее-сказуемое естественного языка.

Также невозможно отрицать, что для фиксации ситуации означивания и присутствия того, что мы называем «значением», необходим субъект в его психологическом качестве и, соответственно, ментальный носитель значения, употребляющий язык и отвечающий на соответствующие стимулы. Таким образом, перед нами все тот же призрак дуализма: с одной стороны, наблюдаемое языковое поведение, «тело» (*corpus*) значения, во всех его разнообразных аспектах, с другой, – мыслительный акт, ноэзис, без которого процесс означивания превращается либо в регистрацию внешних объектов, либо в реализацию поведенческих программ. В этой оппозиции «внешнее-внутреннее» хочется отдать предпочтение последнему, поскольку я легко могу представить себе означивание без внешне наблюдаемого поведения (внутренняя речь), а вот представить использование языка без соответствующего ментального процесса, нет. Можно, правда, возразить, что любое внутреннее означивание для каждого языкового субъекта возможно лишь на основании его прежней реальной языковой практики и в каждый данный момент предполагает возможность внешнего выражения. Верно и то, что некое техническое устройство может произносить слова, имеющие значение (например, предупреждать об опасности), без всякого ментального соответствия. Здесь возможны новые возражения: да, лишь прежняя языковая практика позволяет мне иметь т.н. внутреннюю речь, но коль скоро это произошло, я становлюсь автономным языковым

субъектом, который постоянно индивидуализирует язык, да и прежде усвоение языка проходило исключительно в процессе формирования соответствующих индивидуальных ментальных состояний. Что касается компьютера, который предупреждает меня об опасности, то он конечно таких состояний не имеет, как не имеет их пластинка, на которую записан голос оперного певца. Однако, даже дети очень быстро понимают, что поёт не пластинка, иначе говоря, мы все знаем, что трансляция акта языкового поведения, во-первых, не имеет собственных ментальных состояний и, во-вторых, именно поэтому не является реальным языковым поведением, но лишь его симуляцией.

Достаточно ясно свою антименталистскую позицию в отношении знака и его значения постоянно выражал Л. Витгенштейн: «Значение выражения характеризуется для нас его употреблением. Значение не является ментальным сопровождением выражения» [13, с. 104].

Значение следует выделить в особую предметную гносеологическую (или даже онтологическую) область. Могут возразить, что статус этой области остается непроясненным. Однако это относится и к мысли, которая вместе со значением является самой условной и онтологически неопределенной частью реальности.

В ряде случаев, мы обращаем внимание на то, что слова обладают значением, лишь тогда, когда последнее изменяется или исчезает. Часто мы сами непосредственные участники этого процесса, быть может, не вполне свободные. Звуковая или графическая форма слова тяготеет к вещи, значение – к ментальным процессам, интуитивно мы это понимаем и никакой критикой этого не изменить. Как раз необходимость такой критики лишней раз подтверждает такое положение вещей. Значение – необходимый конвенциональный посредник между словоформой и образом вещи, с одной стороны, и самой вещью, с другой. Если конечно мы позволяем себе говорить о «самой вещи».

Например, Куайн заявляет о различии значения и референции, а также о своей антименталистской позиции: «Объект референции, именуемый единичным или обозначенный общим термином, может быть чем-то под солнцем. Значения, однако, предполагают сущности специфического вида, поскольку значение выражения – это выраженная идея. Современные лингвисты в значительной степени согласны, что эта идея идей, идея ментального двойника лингвистической формы неприемлема для лингвистической науки. Я думаю, бихевиористы правы, придерживаясь того, что разговор об идеях – это сомнительное занятие даже для психологии. Вред от такой идеи идей состоит в том, что ее употребление, подобно мольеровскому обращению к *virtus dormitiva*, порождает иллюзию, что что-то объяснено» [12, с. 48]. Известный пример ложного объяснения: *Opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva* – «Опиум действует снотворно, поскольку в нем имеется снотворная сила». Имеется множество примеров подобных объяснений, доказательств или опровержений, к которым также можно отнести онтологическое доказательство Ансельма, рассуждения об идеях, сущности, Абсолюте и пр.

Характерно, что все антименталистские выпады не в состоянии ни опровергнуть основу самой теории – наличие ментальных состояний (со всеми вытекающими отсюда последствиями – эвидентность и пр.), что интуитивно очевидно для любого человека, ни создать достаточно пристойную объяснительную модель, элиминирующую ментальные акты. Сиюминутные теоретические выгоды не оправдывают отдаленных последствий для рассмотрения материала психологии, лингвистики, семантики и пр.

Позиция, представленная в этой статье, может быть охарактеризована как умеренный ментализм или сдержанный идиолингвизм, идиоглоссия. Однако, признавая первостепенную важность наших индивидуальных ментальных состояний, было бы несправедливо нивелировать значение бихевиоральных ком-

понентов для понимания процесса семиозиса.

Включение интерпретатора в концепцию знака у Ч.У. Морриса или, например, Лебедев М.В. [4, с. 41-42] – означает ведь ничто иное, как введение ментальной составляющей в определение знака. Здесь интерпретатор не только действует, демонстрируя понимание знака, но и собственно понимает знак без всякого действия. Так или иначе, интерпретатор вводит в схему знака свое собственное ментальное усилие.

В отличие от обозначаемого предмета, значение и смысл равно бесплотны, текучи и даже меоничны. Значение (смысл), стоящее между формой имени и обозначаемым предметом, может отсылать лишь к определенному аспекту, к тончайшему, едва уловимому нюансу, а то и вовсе к молчанию, стоящему за текстом. Иная языковая форма провоцирует изменение значения. Зачастую для этого достаточно изменения интонации говорящего. Но иная языковая форма изменяет также и саму предметность, если последнюю понимать достаточно широко и переместить из плана физического в план логический и даже эстетический. Возможно тогда отпадет необходимость спорить о предметности Гамлета или кентавров. Трудно понять, какое дело логике до того, существует ли внешний мир и в каком именно качестве, т.е. являются ли кентавры его объектами. Если завтра на кафедре логики явится кентавр, то что же, рухнет научная картина мира? Да ничего подобного! Очень скоро возникнет анатомия и психология кентавров, а логики подберут для своих занятий другие примеры.

Точно так же, как религиозная вера не может быть поколеблена достижениями индуктивных наук, эмпиризм, как система принципиального доверия к чувственным данным, не может быть искоренен даже «настоящими» чудесами, не говоря уже о выходках нашего воображения.

Г. Фреге в своей известной работе так говорит о связи знака и означаемого: «... некоторый знак (слово, словосочетание или графический символ) мыслится не только в

связи с обозначаемым, которое можно было бы назвать значением знака, но также и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака, содержащим способ данности [обозначаемого]. Правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, – определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. Один и тот же смысл выражается по-разному не только в разных языках, но и в одном и том же языке. Правда, встречаются исключения из этой правильной связи. Разумеется, в совершенной совокупности знаков каждому выражению должен соответствовать лишь один определенный смысл, однако естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию и приходится довольствоваться тем, чтобы хотя бы на протяжении одного рассуждения слово всегда имело один и тот же смысл» [9, с. 26-27].

О чем здесь идет речь? «Правильная связь», «совершенная совокупность знаков», «лишь один определенный смысл», «приходится довольствоваться» – Фреге как будто недоволен, разочарован нашим языком, впрочем, как и многие аналитики впоследствии (например, Остин). Говорить подобное о естественном языке – все равно, что жаловаться на отсутствие у человека хвоста или третьего глаза. «Совершенная совокупность знаков» Фреге подходила бы только для компьютера или делопроизводства, но сделала бы невозможным нормальное повседневное общение, которое характеризуется именно тем, что мы вольны придавать словам любой смысл в соответствии с определенными правилами. Шутки, жалобы, угрозы, бурные объяснения, восторг и негодование были бы невозможны, да вероятно и не нужны в «совершенной совокупности знаков». Что уж говорить о сказках и мифах, о поэзии, вообще, о словесном творчестве. Последнее генетически связано с нашей способностью лгать, выставлять одно вместо другого, желаемое за действительное. Люди обожают выдумки, метафоры, инсинуации и

наш естественный язык совершенно подходит для этого.

В общем виде позицию Г. Фреге можно представить так: имя выступает как знак, за которым так или иначе закрепляются все три компонента процесса референции: значение-смысл-представление. Отношения между членами этой троицы у Фреге и не только у него, прояснены недостаточно, особенно в отношении смысла.

Так, Остин спорит с Айером по поводу т.н. «обмана чувств». [см. 5], говоря, что это лишь метафора, на самом деле (в действительности) наши чувства немы и ничего не говорят нам, ни истинного, ни ложного. «Обман чувств» не существует вовсе. Другой вопрос, что пресловутое «на самом деле» – это тоже метафора, во всяком случае, во всем, что касается моих внутренних состояний. Так, я могу заявить, не впадая в абсурд: «Он выглядит так, как будто ему больно, но на самом деле это не так». Некто пытается притвориться и его обман раскрыт. Фраза: «Ему больно, но на самом деле это не так» – является довольно странной, то ли человек не знает, что такое «настоящая», сильная боль, то ли речь идет о какой-то особой иллюзии, но скорее всего, фраза просто абсурдна. Так можно сказать: «Он думает, что едет на машине, но это не так», но нельзя: «Он едет на машине, но это не так». Это воспринимается как: «Он (на самом деле) едет на машине, но (на самом деле) это не так». Применительно к себе нельзя даже сказать: «Я думаю, что еду на машине, но это не так». Все, о чем я думаю, все, что испытываю, претерпеваю, все это и есть на самом деле. В своем настоящем, где царит вечный полдень, я никогда не ошибаюсь. Ошибка обнаруживается тогда, когда мое настоящее становится прошлым. Но и в этом случае разговор об ошибке может быть неуместным. Например, «Я её любил, но я ошибался» или «Я шел по дороге, но я ошибался (в этом)». То же и в отношении Другого. Таким образом, оборот «на самом деле» является сугубо техническим средством для смыслового разграничения ситуаций самого различного характера:

- a) игра – серьезность;
- b) вымысел – быль, «правда»;
- c) внутреннее (ментальное) – внешнее (физическое);
- d) размытость, неясность, неточность – точность, определенность [сюда же – различение гипотетических, ассерторических и аподиктических суждений];
- e) ошибочность, ложность – истинность;
- f) бесполезное, пустое, преходящее – важное, содержательное, основательное.

В одних случаях наше «на самом деле» оправдано («На вид ему сорок лет, но на самом деле – тридцать»), в других создает лишь иллюзию достоверности. Например, взрослый о подростке: «Ему кажется, что он влюблен, но на самом деле – это не любовь», или «Я причинил тебе боль, но на самом деле я этого не хотел», наконец, «На самом деле я не хотел знать правду». Это словосочетание настолько испорчено в обыденном словоупотреблении и настолько опасно в плане создания иллюзии достоверности там, где ее нет и в помине, что проще от него совсем отказаться, по крайней мере, в философии и уж точно – в антропологии, где «на самом деле» несет аксиологическую и нравственную нагрузку: «Люди делают (думают, живут, имеют склонность, считают правильным) так, но на самом деле это безнравственно (плохо, хорошо, пагубно, красиво, безобразно и т.п.)». Там, где «на самом деле» отражает лишь наши привычки, стереотипы, привитые воспитанием и образованием, от него следует отказаться вовсе. Остин также предлагает не использовать выражение «обман чувств». Что же, вполне правомерно. «Обман чувств», «на самом деле», «в действительности», «это только кажется», «это был всего лишь сон» и множество других подобных оборотов словно зомбируют людей, настраивая на признание лишь одной эпистемологической парадигмы, даже в тех случаях, где «на самом деле» – лишь очевидная конвенция.

Налицо все та же попытка увязать значение предложения с условиями его истинно-

сти и создать теорию значения, имеющую в качестве ядра теорию истины. В общем и целом – точное изложение подхода, с которым я принципиально не согласен. Различие между значением и смыслом предложения более чем условно, поскольку знание значений большинства предложений языка предполагает знание условий их истинности или способа их верификации. Трудно представить себе человека, знающего значение предложений «Идет дождь», «Ему больно», «Сумма углов треугольника равна 180° », но неспособного никоим образом их верифицировать. Даже если я не могу сказать другими словами эти предложения на чужом языке, т.е. не чувствую всех нюансов значения, то это, конечно не значит, что я не понимаю предложения «Идет дождь» или «Ему больно». Если в каком-либо языке эти предложения являются идиомой, паролем, шуткой, т.е. приобретают иное значение, кроме общеупотребительного, то это лишь проблема моей осведомленности. Если я не могу использовать предложение определенным образом в силу своей некомпетентности, т.е. не знаю некоторых значений или оттенков значения, то я могу их узнать, просто выяснив, в каких еще контекстах, помимо привычного, используется данное предложение. Но я не отыщу такого смысла слов или их комбинаций, который в то же время не являлся бы его значением или одним из аспектов значения.

Сведёние значения предложения к его истинностному значению или условиям его истинности – чрезвычайно упрощенно и недостаточно, так же, как и сведёние значения предложения к процедурам верификации или фальсификации. Тем более, что для многих предложений вообще не применимы понятия истинности или проверки. Например, это касается предложений с выраженной экспрессивной функцией: «Пошел к черту!», предложений, содержащих приказ: «Поднимайте людей в атаку», выражающих надежду «Вот если бы завтра пошел дождь», вообще, ко всем гипотетическим суждениям и, конечно, ко всем вопросительным предложениям. «Какова ширина реки в этом месте?» – имеет ли

это предложение истинностный статус? Впрочем, оно выглядит осмысленным, имеющим значение, в отличие, скажем, от «Каков вес реки в этом месте?», но очевидное различие этих предложений не делает одно из них более истинным.

Мы говорим, что слово значит. У любого носителя русского языка за этим значит тянется длинный шлейф значений, смыслов, представлений и ассоциаций. Чем может быть это слово:

1) глагол: «Это значит, что идет дождь» (следование), «Слово X значит то-то» или «Что значат эти грустные лица?» (обозначение), «Этот человек много для меня значит» (важность, ценность);

2) вводное слово, тесно связанное с союзными средствами: «Пошли мы, значит, в лес» (в значении стало быть, *выходит*). В одном и том же случае, слово может квалифицироваться и как союз и как вводное слово: «Значит, не пойдешь с нами, раз ты заболел»;

3) специализированный коррелят союза – позиционно не смыкающийся с союзом служебный элемент, образующий вместе с ним двухместное союзное соединение: «Если я вижу стол, значит он существует»;

4) аналог союза, конкретизирующий союз и входящий в состав неоднословного союза. Собственно, это также союз: «Так значит, ты не пойдешь с нами?», «Он ушел, а значит не хочет помогать нам», «Барометр падает, а значит будет шторм» (также в значении – следовательно, стало быть). [см. 7, с. 714-715]

Заметно, что в п. 2-4 значит легко может быть заменено на следовательно. Так что в основном сохраняются три исходных значения слова значит: (1) следование (любого рода, логическое или физическое); (2) обозначение (интерпретация знака); (3) ценность (значимость, важность). Характерна этимологическая связь со словами знак, знать (в т.ч. и знать, как высшие слои общества, те, которые значат, имеют вес, представляют ценность, но они же и знающие, осведомленные, владеющие знаками, в т.ч. также и знаками своего высокого положения, достоинства). [см. 8]

В свете поисков оснований для теории значения можно сказать, что знак – это декорация значения, в самом знаке значения нет, поскольку существуют знаки с непроявленным или отсутствующим значением. Нет его также и в объектах, по крайней мере до тех пор, пока они не входят в круг языка. Вместе с тем, значение – это всегда так или иначе сформированное отношение знака к некоторой реальности, возможному миру, контексту, вне которых знак – пустышка, сама некая реальность, только объект для описания с помощью других знаков. Поскольку между знаком и объектом никого, кроме носителя языка нет, то в основу теории значения следует закладывать нечто, связанное с ментальностью носителя языка. Чувства, мотивы, установки говорящего должны стать краеугольным камнем теории значения. Знаки нечто означают, потому что мы так хотим. Все вместе. Но, как и во многих других проявлениях социального – это мнимое, или по крайней мере условное единство. Можно мнить себя хозяином знаков, этаким Шалтаем-Болтаем, но чаще знаки независимы от нашей воли, скорее они подчиняют нас и делают бунт возможным лишь в виде сумасшествия, семантической катастрофы. В рамках системы или лучше – систем знаков, которые, как предполагается, мы создали сами и которые с раннего детства довлеют над нами, мы вольны проявлять известную творческую активность, распоряжаясь по своему усмотрению довольно значительными фрагментами языка, создавая наиболее удобную лингвистическую картинку.

Изложенная здесь позиция вовсе не исключает наличия смысла как такового (в значении «смысл жизни», «смысл истории» и пр.), равно как и других подходов к его определению. Например, не существует ни конфликта, ни, тем более, несовместимости с точкой зрения Хайдеггера, который интерпретирует само наличие смысла как некое экзистенциальное отношение: «В наброске понимания сущее раскрывается в своей возможности. <...> Когда *внутримировое сущее* открывается вместе с *бытием Daseins*, а значит пришло к понима-

нию, то мы говорим, что оно имеет смысл. Но, строго говоря, понят не смысл, но сущее или, соответственно, бытие. Смысл есть то, на чем держится понятность чего-либо. Что в понимающем раскрытии явно артикулировано, мы называем смыслом. Понятие смысла охватывает формальный каркас того, что необходимо принадлежит, что артикулировано понимающим истолкованием. Смысл есть через намерение, осмотрительность и предрешение, структурированное после наброска [плана], *из чего становится понятным нечто как нечто*. <...> Смысл есть *экзистенциал Dasein*, не свойство, прилепленное к сущему, лежит “за” ним или как “промежуточная область” находится где-то в неопределенности. Смысл “имеет” только *Dasein*, поскольку раскрытость В-мире-бытия “осуществима” через ее обнаружение сущего. Поэтому только *Dasein* может быть осмысленным или бессмысленным» [10, с. 151]

Хайдеггер в целом негативно относится к попыткам постичь «сущность языка» («*Wesen der Sprache*»), неявно имея в виду аналитические теории [10, с. 163], использующие один из аспектов языка: выражение, символическая форма, сообщение как высказывание и пр. Но эти моменты нельзя непротиворечиво объединить в одном определении. Важнее проработать онтологически-экзистенциальное целое структуры речи на основе аналитики *Dasein*.

Действительно, мы очень (слишком) много можем сказать о знаках и языке, причем, не кривя душой, и все это будет правда, но выработать единое понимание очевидно не удастся. Удивительно, но мы и по сей день не имеем единой теории языка, охватывающей все его свойства и аспекты.

Сам Хайдеггер настаивает на онтологическом содержании языка: «Имеющаяся понятность В-мире-бытия выговаривается как речь. Значимое целое понятности приходит к слову. Значения прирастают словами. Но не становятся слововещами, снабженными значениями. Высказанность речи есть язык» [10, с. 161]. «Всякая речь, помимо сообщения, имеет также характер

самовыговаривания [Sichaussprechens]» [10, с. 162], и далее: «Учение о значении не сложится само собой через всеохватывающее сравнение по возможности многих и отдаленных языков. Столь же недостаточно и заимствование скажем философского горизонта, внутри какого В.Ф. Гумбольдт сделал язык проблемой. Учение о значении коренится в онтологии Dasein. Его расцвет и гибель зависят от судьбы последнего» [10, с. 166].

Итак, значение – это не объект означивания, не знак и не составная часть знака, не матрица

(истина-ложь), не результат технических процедур (верификация или фальсификация). Критерием значения является дескриптивная достаточность, провоцирующая либерализм описаний и, соответственно, либеральную теорию значения. Значение – это регистрация факта замещения знаком того, что этим знаком не является. Всякий факт имеет дление, значение также длится, является процессом, ситуацией; значение – это всегда последовательность значений, последовательность замещений (копий, репликаций), никогда не достигающих прототипа.

Бібліографічні посилання

1. Даммит М. Что такое теория значения? *Философия, логика, язык*. М., 1987. С. 127-212.
2. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2009. 352 с.
3. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. М., 2003. 400 с.
4. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. М., 1998. 168 с.
5. Остин Дж. Смысл и сенсibiliи. *Избранное*. М., 1999. С. 137-244.
6. Патнэм Х. Значение «значения». *Философия сознания* / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М., 1998. 240 с.
7. Русская грамматика. В 2-х т. Т.1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1982. С. 714-715.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.2. СПб., 1996. 672 с.
9. Фреге Г. Смысл и значение. *Избранные работы*. М., 1997. 160 с.
10. Heidegger M. Sein und Zeit. Neunzehnte Auflage. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006, 445 s.
11. Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. NY, Harcourt, Brace & World, Inc, 1946, 363 p.
12. Quine W.V.O. From a Logical Point of View. 9 Logico-Philosophical Essays. Second Ed., revised. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 2003, 184 p.
13. Wittgenstein L. Das Blaue Buch // Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden. B.5. Frankfurt am Main, 1984. S. 7-116.

References

1. Dammit M. Chto takoe teoriya znacheniya? *Filosofiya, logika, yazyik*. M., 1987.S. 127-212.
2. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika. M., 2009. 352 s.
3. Layonz Dzh. Lingvisticheskaya semantika. Vvedenie. M., 2003. 400 s.
4. Lebedev M.V. Stabilnost yazykovogo znacheniya. M.: Editorial URSS, 1998. – 168 s.
5. Ostin Dzh. Smyisl i sensibili. Ostin Dzh. *Izbrannoe*. M., 1999. S. 137-244.
6. Patnem H. Znachenie «znacheniya». Patnem H. *Filosofiya soznaniya* / Per. s angl. O.A. Nazarovoy. M., 1998. 240 s.
7. Russkaya grammatika. V 2-h t. T.1 / Pod red. N.Yu. Shvedovoy. M., 1982. S. 714-715.
8. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar russkogo yazyika. T.2. SPb., 1996. 672 s.
9. Frege G. Smyisl i znachenie. Frege G. *Izbrannyye raboty*. M., 1997. 160 s.

10. Heidegger M. Sein und Zeit. Neunzehnte Auflage. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006, 445 s.
11. Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. NY, Harcourt, Brace & World, Inc, 1946, 363 p.
12. Quine W.V.O. From a Logical Point of View. 9 Logico-Philosophical Essays. Second Ed., revised. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 2003, 184 p.
13. Wittgenstein L. Das Blaue Buch // Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden. B.5. Frankfurt am Main, 1984. S. 7-116.